

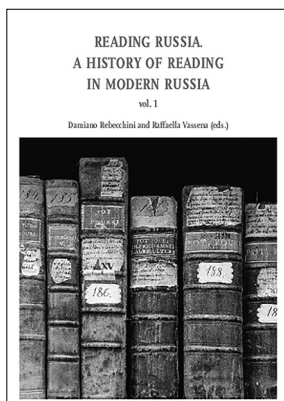
Олег Ларионов

Чтение и читатели в России долгого XVIII века

DOI: 10.53953/08696365_2022_174_2_347

Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia /
Ed. by D. Rebecchini, R. Vassena.

Milano: Ledizioni, 2020. — Vol. 1. — 295 p. — (Di/Segni, 32).

Многие проблемы и подходы, рассматриваемые и применяемые в рамках истории чтения, существовали еще до оформления этой дисциплины, поскольку разнообразные темы, связанные с чтением и читателями, затрагивались в целом ряде гуманитарных и социальных наук. Тем не менее соотношение ранее не связывавшихся друг с другом фактов, вычленение зачастую второстепенных исследовательских процедур и вопросов в отдельную сферу научных занятий, осознание их общности — все это ведет к значительной трансформации научного поля и изменению принципов и способов производства нового знания в некоторых его сегментах. Свершающееся в последние годы подобное превращение истории чтения в России в особую акаде-

мическую дисциплину, рефлексирующую о своих методах и задачах, было бы невозможным без деятельности Раффаэллы Вассена и Дамиано Ребеккини. В 2014 г. под редакцией этих ученых вышел сборник статей, основывающийся на конференции, посвященной чтению в России XVIII—XX вв.¹, после чего они осуществили гораздо более амбициозный проект, результатом которого стала публикация трехтомной истории чтения в России Нового времени. Собрав международный коллектив авторов, Вассена и Ребеккини не только привлекли ведущих специалистов по русской истории и литературе нескольких столетий, но и сумели организовать совместное обсуждение первых вариантов статей, составивших сборник (с. 13). В результате тексты оказались пронизаны ссылками друг на друга, и издание, не реализуя конкретную исследовательскую программу, предложило спектр разных подходов к истории чтения, причем представители одних осведомлены о других. Так, рецензируемый первый том, обращаясь к истории чтения в России долгого XVIII века (конец XVII — начало XIX вв.), позволяет составить представление о круге вопросов, занимающих сейчас исследователей этого периода, оценить уже полученные результаты и обнаружить некоторые лакуны или проблемы, возникающие при изучении этого материала.

Книга открывается редакторским введением, в котором *Р. Вассена* и *Д. Ребеккини* очерчивают общие контуры всего исследовательского проекта. Широко определив чтение как «такой процесс “визуальной встречи с письменным текстом”»,

1 См.: *Reading in Russia: Practices of Reading and Literary Communication, 1760–1930 / Ed. by D. Rebecchini, R. Vassena. Milano, 2014.*

в котором в какой-то степени присутствует интерпретация» (с. 14), они называют предметом своего изучения, вслед за Г. Кавалло и Р. Шартье², акты, практики и места чтения, а также «интерпретативные сообщества» (С. Фиш)³ читателей в России в исторической перспективе, специально оговаривая исключение из фокуса рассмотрения иноязычного чтения и опыта религиозных и национальных меньшинств, а также хронологическую ограниченность последними тремя с половиной столетиями. Реферативно изложив содержание всех статей, вошедших в трехтомник, редакторы затем останавливаются на важнейшей, по их мнению, особенности чтения в России — сложных отношениях с вездесущей государственной властью и институтом цензуры. Намечая основные этапы институциональной истории чтения в России (развитие книгоиздания, распространение школ, появление государственных и частных библиотек), они пишут о запоздалом и слабом росте публичной сферы, в результате чего чтение часто приобретало потайной характер, уходило в приватное пространство дома, ограничивалось узким дружеским кругом и было связано с феноменом самиздата. Завершается введение кратким обзором источников, на основании которых можно писать историю чтения (списки подписчиков на книги, данные библиотек, нормативные предписания и отклики реальных читателей и т.д.).

Основная часть тома начинается с обзорной статьи *Даниэля К. Уо*, посвященной истории чтения в России до XVIII в. В чрезвычайно насыщенном тексте рассматривается целый спектр исследовательских сюжетов и проблем. Суммировав сведения о первых веках бытования письменности на Руси, автор затем переходит к анализу места книг и чтения в Кирилло-Белозерском монастыре, освещая кодицилогические исследования книг из монастырской библиотеки, работу по установлению ее состава и изучение образовательных функций чтения в этом сообществе. Обращаясь к появлению в Москве книгопечатания, автор задается вопросом, послужило ли оно здесь агентом культурных перемен в той же мере, что и в Западной Европе. Анализируются учебные издания, методы обучения чтению и письму, вопрос о градациях грамотности и практиках чтения мирян, говорится о царских и вельможных библиотеках XVI—XVII вв.; отдельно обсуждаются итоги и перспективы исследования рукописных сборников для чтения, а также описывается распространение (как письменное, так и устное) новостной информации в Москве XVII в. Принципиально настаивая на разнообразии читательских практик, Уо подчеркивает невозможность однозначного увязывания распространения грамотности и чтения с процессом модернизации, приводя в пример старообрядцев, сочетавших «традиционные» («домодерные») ценности с развитой книжной культурой. История чтения, по мысли исследователя, должна преодолевать однозначное противопоставление грамотного и неграмотного, письменного и устного, печатного и рукописного, секулярного и религиозного, элитарного и низового, демонстрируя сложные пересечения и переплетения этих категорий в конкретных исторических ситуациях. Парадигматической фигурой так понятой истории чтения оказывается для Уо герой его более ранней монографии⁴ Семен Попов, ризничий из Хлынова (Вятки), вовлеченный в Петровские реформы читатель церковных книг и держатель рукописных копий «Ведомостей», сам сочинявший тексты о местной истории.

2 История чтения в западном мире от Античности до наших дней / Ред. Г. Кавалло, Р. Шартье; пер. М. Руновой, Н. Зубкова, Т. Недашковой. М., 2008.

3 *Fish S.* Is there a Text in this Class? The Authority of Interpretative Communities. Cambridge, MA; London, 1980.

4 *Уо Д.К.* История одной книги. Вятка и «не-современность» в русской культуре петровского времени. СПб., 2003.

Панорамный обзор сохраняется и в следующей статье тома, написанной *Гари Маркером* и сфокусированной уже преимущественно на XVIII в. В качестве концептуальной рамки для своих размышлений автор выбирает влиятельную главу «Чтение: браконьерство» из «Изобретения повседневности» М. де Серто, в которой тематизируется напряжение между чтением как спускаемой сверху дисциплинирующей теоретической моделью и чтением как эмансипаторной практикой, используемой читателями для собственных целей⁵. По мысли исследователя, между этими полюсами колебалось и чтение в России XVIII в., и вошедшие в этот том его исследования, обращающиеся то к прескриптивным дискурсам, то к эмпирике реальных читательских реакций. Как и Уо, Маркер ставит под вопрос жесткое противопоставление традиционной допетровской Руси и секулярной современной Российской империи, обращая внимание на моменты преемственности, в том числе на сохраняющуюся значимость религии и сакрального. Затем исследователь предлагает ряд рассуждений о разных аспектах изучения чтения в XVIII в. Визуальный поворот побуждает нас увидеть в буквах образы и придумать новые способы работы с чтением как в первую очередь зрительным опытом. С другой стороны, необходимо изучать институции образования, в которых происходило обучение чтению; при этом возникают трудности с определением уровня и степени грамотности в разных социальных группах и обращают на себя внимание распространенность внеинституционального обучения грамоте священником с помощью букваря и Псалтири, а также феномены полуграмотности и грамотности на уровне сообщества, а не отдельного человека. Кроме того, нельзя игнорировать разнообразие практик чтения и письма, в том числе частое переписывание от руки печатных текстов, а также полиязычность чтения (не только русский и церковнославянский, но и французский, немецкий, латынь). Во второй половине статьи Маркер намечает историю сменявших друг друга типов читательских сообществ: от монахов Кирилло-Белозерского монастыря, выступавших в роли читателей и переписчиков книг, — через «республику словесности» XVII в., которую образовывали перебравшиеся в Московию украинские монахи, получившие иезуитское образование, усвоившие гуманистическую культуру и поддерживавшие связь через письменную коммуникацию, чтение и цитирование книг, — к возникновению светской читательской публики XVIII в., осознанно демонстрировавшей свой читательский статус через владельческие надписи и библиотечные каталоги (в том числе в случае неграмотного А.Д. Меншикова). Кульминацией этого процесса во второй половине века можно считать появление воображаемого сообщества образованной русской публики, наделавшей себя символическим капиталом и поддерживавшей коллективную идентичность через публичную презентацию в виде списков подписчиков книг и журналов. В финале текста Маркер возвращается к де Серто и призывает к изучению читательского опыта «чудаков», балансирующих между полюсами нормативного и «браконьерского» чтения, воплощая в себе гетерогенность социокультурной ситуации XVIII в., сложно сочетавшей старые и новые практики и модели чтения и письма.

Вслед за статьями Уо и Маркера, задающими концептуальную систему координат для всего тома, следует серия более локальных исследований тех или иных аспектов истории чтения в России XVIII в. *Кирилл Осоват* прослеживает в своей работе «эволюцию нормативных подходов к чтению» (с. 123) от Петра до Елизаветы, утверждая, как и в недавней монографии⁶, фундаментальную связь между

5 Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / Пер. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб., 2013. С. 279–295.

6 Осоват К. Придворная словесность: Институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века. М., 2020.

абсолютистским дисциплинированием подданных и новой словесной культурой. Санкционированные Петром переводные издания, а также оригинальные тексты Феофана Прокоповича утверждали тождество государственной пользы, науки и религии, получившее институциональное выражение в Академии наук и связывавшее образованность с более ревностной службой. В эти и последующие годы читаются и переводятся классические античные авторы и новые политические теоретики (в том числе Макиавелли, Гоббс, Локк), причем оба корпуса текстов предлагают рефлексию о политическом существовании и знакомят с республиканской традицией мысли, на которую опирались члены Верховного тайного совета в своей попытке ограничения монархии в 1730 г. Провал «затейки верховников» приводит к замене языка политического гуманизма на идиомы галантной любви, особенно активно распространяемые В.К. Третьяковым, причем сила любви выступала тропом абсолютной монархии, а постулируемое смягчение нравов должно было облегчить задачу управления подданными. В результате на место «республикански мыслящего государственного деятеля в качестве идеального типа читателя и социального актора» приходит «ловкий придворный» (с. 137). При дворе чтение культивируется (например, И.И. Шуваловым или юной Екатериной II) в качестве престижной формы ученого досуга, служащей инструментом самопознания и учебником правильного поведения. В финале статьи Осповат обращается к автобиографическим свидетельствам М.П. Аврамова и Д.И. Фонвизина, у которых чтение оказывается практикой секулярного благочестия, сложного сочетания христианской морали и логики современного государства, производящего ревностных и разумных подданных. В качестве приложения к тексту печатается оригинал и перевод заметки «О чтении книг» из журнала «Полезное увеселение» — парадигматический пример того, как чтение наделялось в России XVIII в. дисциплинарными функциями, превращавшими частный опыт в форму служебного долга.

В статье *Родольфа Бодэна* характеризуется чтение во времена Екатерины II, когда все сильнее ощущается напряжение между ростом книжного рынка и разнообразием читательских практик, с одной стороны, и попытками их регулирования государством и культурной элитой — с другой. В этот период, отмеченный появлением частных типографий и увеличением объемов книгопечатания, происходит диверсификация книжного рынка (практические пособия и нравоучительные сочинения, переводные и оригинальные романы, журналы, канонические авторы и модные литературные новинки и т.д.) и расширение читательской аудитории (жители провинций, мещане, женщины и дети). Этим процессам сопутствовало в рамках культуры сентиментализма появление новых читательских практик (на природе во время прогулки) и типов изданий (малый формат, облегченная с помощью графических средств подача информации), которые десакрализовали акт чтения и эмансипировали публику, вступающую в диалог с писателем без прямого вмешательства власти.

Тщательной реконструкции круга чтения образованного православного духовенства в России XVIII в. посвящена работа *Екатерины Кисловой*. Обращаясь к каталогам семинарских библиотек, рукописным сборникам цитат и другим материалам, исследовательница выделяет несколько групп текстов, имевших хождение в этой среде: «профессиональная» литература на церковнославянском, русском, латинском языках (литургические тексты, сочинения Отцов Церкви, теологические трактаты); проповеди, которые часто использовались в преподавании как образцы для подражания и переписывались; русская и переводная светская литература от силлабических панегириков до романов и сентиментальной поэзии; разнообразная литература на иностранных языках (античные авторы, изучавши-

еся и переводившиеся французские и немецкие проповедники и теологи, а также Ж.-Ж. Руссо и энциклопедисты и др.).

Андрей Зорин в своей статье обращается к роли читателя в сентиментальной литературе, которая добавила к моральному дидактизму функцию воспитания чувств аудитории, снабжая ее эмоциональными матрицами, в соответствии с которыми следовало организовывать свою душевную жизнь⁷. Сочинения Н.М. Карамзина и его современников наполнены сценами чтения (часто — совместного, друзей или возлюбленных), а также прогулками по местам, связанным с любимым автором или его героями. Установка этих текстов на иллюзию нефикциональности способствовала их проецированию на реальную местность: «Бедная Лиза» превратила пруд у Симонова монастыря в место для паломничества сторонников секулярного культа заглавной героини повести, слава которой проникла во все слои общества, включая купцов, проституток, мастеровых и монахов. Литература оказывалась не автономным объектом, а посредником между автором и читателем, инструментом для настройки своих чувств в унисон с авторитетными образцами.

Две заключительные статьи тома выходят за рамки XVIII в. *Белла Григорян* анализирует изображения читателей и публики в периодике 1769—1839 гг. В фокусе внимания исследовательницы оказывается дискурсивное конструирование «среднего» (в социальном и культурном смысле) читателя, возникшее уже у Н.И. Новикова и продолженное во все больших масштабах Карамзиным, патриотическими «Русским вестником» и «Сыном Отечества» в эпоху войны 1812 г., Н.И. Гречем, Ф.В. Булгариным, О.И. Сенковским. Воображаемая недворянская (мещанская, крестьянская, чиновничья) читательская аудитория описывалась как дополитическая, лояльная публичная сфера, а ориентированные на ее средний уровень тексты разрушали классицистские каноны и способствовали развитию толстых журналов и реалистического романа середины XIX в.

Статья *Саймона Франклина* описывает три эпизода из истории русской публичной «графосферы»⁸, текстуальных городских пространств, в которых люди сталкивались с письменным словом. При Петре в городах появляются триумфальные арки, радикально новые для России сооружения, для понимания которых необходимо было знать древние языки, античных авторов и традицию эмблематики. Кроме того, однако, эти арки обозначали саму возможность существования новых секулярных гражданских пространств и построек, и это сообщение было понятно гораздо более широкой аудитории. Два других рассматриваемых в работе момента из истории графосферы — распространение многообразных, от полуграммотных до иноязычных, торговых вывесок в 1830—1840-х гг. и их строгая регламентация в СССР 1930-х гг.

Работы, составившие этот том, демонстрируют, что история чтения в России XVIII в. является сейчас сферой плодотворных занятий целого ряда специалистов. Между тем нельзя не заметить определенный разрыв, возникающий между программными статьями Вассена и Ребеккини, Уо и Маркера, обозначающими ключевые вопросы дисциплины, и остальными текстами, занятыми более частными сюжетами. Если первые стремятся создать единое дисциплинарное поле, то последние не так легко привести к общему знаменателю. Характерно, что конститутивные, согласно Уо и Маркеру, для истории чтения проблемные отношения между устным и письменным словом, грамотностью и неграмотностью, руко-

7 Более подробно этот тезис развивается в: *Зорин А.Л.* Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М., 2016.

8 См. о ней: *Франклин С.* Русская графосфера. 1450—1850 / Пер. Т. Ковалевской. СПб., 2020.

писными и печатными книгами в основном находятся на периферии внимания остальных авторов, первоклассные работы которых зачастую являются результатами исследовательских проектов, задуманных и реализованных вне рамок истории чтения. Таким образом, том отражает актуальное состояние этой сферы исследований: интегрирующие усилия вводных статей указывают на общую дисциплинарную рамку, которая может объединить разных ученых, так или иначе обращающихся в своих разысканиях к чтению и читателям в России XVIII в.

Теперь, когда любой читатель тома может получить представление о вопросах и проблемах истории чтения в России XVIII в., последующие исследования в этой сфере должны писаться уже исходя из этой дисциплинарной перспективы. Как представляется, не столь важно, будет ли это описание институциональной инфраструктуры чтения, история медиальных форм, реконструкция чтения разных социальных групп, типология читательских практик или что-то еще; главное, чтобы эта работа мыслилась именно как опыт истории чтения и управлялась перечисленными выше ключевыми оппозициями этой дисциплины. Многообещающим материалом для такого рода исследований может послужить, например, корпус текстов, которые не очень точно характеризуют как мистическую (масонскую) литературу. Прослеживая историю переводов, существовавших как в виде печатных изданий, так и в качестве рукописей, задаваясь вопросом об институциональном и социальном статусе переводчиков и читателей, учитывая гендерную оптику, реконструируя предписываемые и реальные практики чтения этих текстов, прослеживая их пространственное и временное распространение, далеко уходящее в XIX в., ставя вопрос о связях этого корпуса с православной традицией и секулярной художественной литературой и т.д., можно было бы воплотить на практике тот вариант внимательной к ряду фундаментальных категорий и их сложному взаимодействию истории чтения, к которому призывают Уо и Маркер. При всей своей фундаментальности рецензируемый том не претендует на какую-либо полноту охвата материала, многие темы остались в нем лишь упомянутыми, и огромный объем предстоящей работы в этой области трудно переоценить. Главное, что это издание на новом уровне утвердило наличие истории чтения в России XVIII в. как особого научного поля. Задача будущих исследований, индивидуальных и коллективных, — начать сознательно прочерчивать траектории и занимать в этом поле позиции.